

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Несконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сысшной полиции»:**

Агент сысшной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ

МОСКВА
2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48   **Горячий ключ** : роман / Ирина Мельникова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Любовь. Интрига.
Тайна).

ISBN 978-5-04-099530-1

Вертолет сорвался со скалы и рухнул в ущелье. Кто мог знать, что на борт проникнут бандиты и заставят посадить машину в горах, возле базы наркодельцов... Пилот Артем Таранцев порадовался — спаслась большая часть пассажиров, летевших на отдых в санаторий «Горячий ключ». В том числе и красавица Ольга — еще во время полета Артем обратил на нее внимание. Как же теперь выжить в глухой тайге, ведь они остались один на один с бандитами, которым вовсе не нужны свидетели! Но, несмотря на всю сложность ситуации, Артем никак не мог заставить себя не думать об Ольге...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-099530-1

© Мельникова И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Будильник звонил долго и настырно, но Артем Таранцев успел за это время увидеть еще пару снов.

В одном его пытались распилить на части циркулярной пилой, в другом — стучали по голове большой деревянной колотушкой — байдой, которой он прошлым летом успешно сбивал шишки с кедров. И эти удары отзывались в его голове мерным гулом и мерзким дребезжанием, так дребезжит чайная ложечка, оставленная на ночь в стакане на столике в купе поезда.

Артем сморщился от отвращения, попытался прикрыть голову подушкой, но дребезжание не прекращалось. Тогда он потянул на себя простыню, обнажив при этом худые волосатые ноги, и только тут догадался, что звонит будильник. Не открывая глаз, он пошарил рукой по соседней подушке. Затем приоткрыл один глаз, чтобы удостовериться в том, о чем уже донесла ему рука: подушка была пуста. Значит, он один.

Артем закрыл глаз и чертыхнулся. Теперь придется перекатываться на другую сторону широкой, как аэродром, кровати, чтобы заткнуть эту дребезжающую глотку. Он вздохнул и с трудом, но все-таки дотянулся до будильника и с мстительным удовольствием швырнул его на пол.

Но звон продолжался.

Артем едва разлепил глаза, несколько мгновений тупо всматривался в темноту, соображая, какой идиот мог заявиться в гости за полночь да еще столь настойчиво давить на кнопку дверного звонка, и наконец понял: звонит телефон.

Он приподнялся на локте и с ненавистью посмотрел в сторону аппарата. С тех самых пор, как ему пришлось установить телефон, он неоднократно божился по утрам, что вечером уж непременно перенесет его ближе к кровати, но благие помыслы так благими и оставались, а телефон уже более года продолжал изводить его звонками на безопасном от выплесков хозяйского гнева расстоянии.

Артем встал и, не зажигая света, босиком прошлепал на кухню. Открыл кран с холодной водой, плеснул в лицо, потом сделал несколько глотков прямо из ладони. Телефон продолжал звонить.

Пробормотав парочку непечатных выражений по поводу чьей-то непомерной настырности, Артем подошел к кухонному окну и, отогнув занавеску, выглянул на улицу. За окном, в темноте, моросил дождь. До рассвета оставалось часа три, если не больше... А телефон все надрывался...

И тогда пришлось снять трубку и недовольно проворчать:

— Таранцев. Черт бы тебя побрал!

— Черт приберет не меня, а тебя в первую очередь! — прозвучало не менее ворчливое с другого конца провода. — Целый час звоню — ни ответа, ни привета!

— Между прочим, я спал! — ответил Артем и со вкусом зевнул прямо в трубку. — И я уже грозился оторвать башку всякому, кто помешает мне выспаться как следует!

В трубке достаточно язвительно хмыкнули и спросили:

— На ком, интересно, выспаться? Из столовой ты

ушел с Оксаной, а Стаднучиха видела, как в твой подъезд заходила Любаша из багажного...

— Очень смешно! — сухо сказал Артем, с трубкой радиотелефона вернулся в спальню и, нащупав выключатель, зажег торшер с расплавленным синтетическим абажуром. Прищурившись, оглядел скомканную простыню и смятые подушки. Кажется, и вправду кто-то переночевал в его постели. Но вот кто именно, сообразить не удавалось: даже незначительное напряжение мозговых извилин вызвало приступ такой боли, что он едва сдержался, чтобы не послать по матушке своего ночного собеседника. «Сдаешь, полковник!» — подвел он итог напрасным попыткам вспомнить, кого соблазнил на этот раз, и пробормотал в трубку:

— Что там стряслось?

— Давай-ка ноги в руки и подваливай в аэропорт. На все про все у тебя час, не больше. Перспективный рейс намечается. И не смей волюнку тянуть! А то соседи очухаются, живо его перехватят! — зачастил владелец компании «АвиаАрс» и он же организатор полетов Геннадий Михайлович Арсеньев.

— Что за черт! Я еще от последнего рейса в себя не пришел! Ты же сказал, что позволишь мне отдышаться пару дней!

— Какая, к дьяволу, пара дней? — Арсеньев недовольно посопел и уже более мягко сказал: — Думаешь, я не устал? Думаешь, мне не хочется сейчас в мягкую постель да под теплый бабий бочок? Но дело в том, что борт до Кызыла совершил вынужденную посадку в нашем аэропорту. Контрольная служба держит его на привязи, не выпускает пока. Пассажиры в бешенстве. Там какая-то правительственная делегация летит, их-то нам точно не отдадут. Но есть еще группа туристов. Человек десять, не больше... Желают попасть в Горячий Ключ...

— Держи карман шире, — усмехнулся Артем, — тебя к ним ближе, чем на пушечный выстрел, не подпус-

тят. Наверняка какие-нибудь навороченные или совсем уж богом обделенные, если в нашу глухомань забрались.

— А, попытка не пытка! — с присущей ему лихо­стью ответил Арсеньев и с уже начальственной ноткой в голосе приказал: — Давай двигай сюда, да поживее!

Артем почесал в затылке, тоскливо посмотрел в сторону по-прежнему темного окна, хотел было сказать, что до конца месяца еще неделя, а он превысил уже полуторамесячную норму налета часов, но передумал и лишь вздохнул:

— Ладно, скоро буду, — и бросил трубку.

Он знал, что слова «норма», «инструкция» и «безопасность полетов» действовали на Арсеньева, как красная тряпка на быка. При их упоминании он надувался, словно индюк, пыхтел, ругался и все равно делал по-своему. Потому что всю свою пятидесятилетнюю с хвостиком жизнь прожил с единственным, но стойким убеждением, что всяческие уставы, кодексы, законы, а тем более инструкции для того и существуют, чтобы их обходить, нарушать, игнорировать, а то и вовсе плевать на них, особенно, если дело пахнет какими-никакими деньгами... И Артем прекрасно понимал: вздумай вдруг Михалыч скрупулезно выполнять все инструкции, его трехкопеечная фирма вмиг вылетит в трубу.

В этом случае Таранцеву тоже пришлось бы несладко. В России развелось слишком много отставных и безработных пилотов, готовых взяться и за менее престижную, если не сказать хуже, работу, а вакансий — раз-два и обчелся... Латаная-перелатаная техника Арсеньева все-таки еще летала и, не иначе как благодаря какой-то сверхъестественной чертовщине, пока без аварий. Артем сплюнул три раза через левое плечо и выругался. В последнее время жизнь стала напоминать бег вверх по эскалатору в противоположную движению сторону. Бежишь, напрягаешься изо всех сил, дышалку сбиваешь, селезенка екает, а остаешься все на том же

самом месте, и стоит затормозить — тут же скатываешься вниз...

Он с еще большей тоской посмотрел в окно, пытаюсь разглядеть небо. Дождь прекратился, даже проступила серая предрассветная муть, а сквозь нее горы, куда ему опять же наверняка придется сегодня лететь. Арсеньев просто так среди ночи поднимать не будет. Если запахло деньгами, он тебя из-под земли выроет...

«Дай бог, чтобы этот живодер получил хорошую метеосводку». С этой мыслью Артем уныло побрел к кровати. Под ноги подвернулась одна пустая бутылка, вторая... Он с досадой отшвырнул их ногой. Врача придется опять задабривать. Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, где у него всегда лежала наготове пара-тройка шоколадных плиток, но увидел лишь пустую обертку, вторая обертка валялась за тумбочкой. Третью Артем обнаружил на полу рядом с диваном в соседней, совсем уж крохотной, комнатенке. На самом же диване в весьма раскованной позе спала пышнотелая брюнетка. Она лежала навзничь, раскинув руки и ноги, и храпела, как заправский мужик, с натугой, но басовито.

Артем окинул брюнетку задумчивым взглядом.

Убей бог, но он видел ее впервые, к тому же даже сейчас не мог вспомнить, при каких обстоятельствах она оказалась в его квартире. И занимались ли они чем-либо еще, помимо выпивки, об этом история, вернее, память Артема, тоже умалчивала.

Он присел на корточки и заглянул девице в лицо. От его ночной подружки несло, как от резервуара с техническим спиртом. Артем хмыкнул. Похоже, шоколад был единственной закуской, которую удалось отыскать в его доме... Он потряс девицу за плечо. Она мгновенно, как от удара, открыла глаза и уставилась на Артема мутным взором. С сообразительностью и памятью у нее было получше, потому что, потянувшись и зевнув во весь рот, девица весьма нахально улыбнулась и достаточно выразительно ему подмигнула:

— Ну что, созрел?

— Прикройся! — Артем поднял валявшийся у нее в ногах плед и бросил ей в руки. — Через десять минут чтобы и духу твоего здесь не было!

Девушка отшвырнула плед и вскочила на ноги:

— Ну, ты, папашка, даешь! А кто мне моральный ущерб возместит?

— Ничего, бог подаст! Ты мне гораздо больший ущерб нанесла. Весь шоколад сожрала, чем мне теперь врачуху задобрить?

Девушка быстро и эмоционально поведала о том, где она видела эту самую врачуху, а вместе с ней и самого Артема. Он спорить не стал, а снова предложил ей выметаться, что она через четверть часа и сделала, не преминув обозвать его на прощание старым козлом и воющим импотентом.

Этим она окончательно испортила Артему настроение. Ну, на кой ляд он торчит уже второй год в этом богом забытом крае, в маленьком тоскливом городишке, в загаженной квартире, по которой катаются из угла в угол пустые водочные бутылки и бегают голодные тараканы? И за это удовольствие он ежемесячно выкладывает кругленькую сумму, чуть ли не половину своей военной пенсии...

«Сдаешь, полковник! — вторично констатировал Таранцев. — Уже и шлюх стал водить, и напиваться до беспамятства...» Он снял с подушки длинный черный волос и, брезгливо сморщившись, скатал его в пальцах и бросил в переполненную пепельницу, стоящую на спинке дивана. Девушка ночью курила, это он определил не только по количеству окурков со следами темной помады, но и по новой дыре в диванной обивке, зияющей аккурат возле изголовья.

«Как еще пожар не устроила, паршивка!» — подумал он о гостье без прежней злости и, посмотрев на мерно тикающий возле голы ступни будильник, отметил, что вполне можно было не выпроваживать ее

столь скоропалительно, а попытаться доказать, что ее оскорбительные определения в его адрес не соответствуют истине. Но тогда уж точно пришлось бы с ней расплачиваться, а в кармане полковника Таранцева на сей момент скучало лишь несколько серых, как утренний туман над городом, десяток на бензин — его неприкосновенный запас. И тратить их на сомнительное удовольствие трахнуть лишний раз незнакомую шлюшку — на такое он не решился бы, наверное, и под страхом смерти. Добираться до аэропорта на троллейбусе? Нет уж, увольте! И хотя его старенькая «копейка» — тоже не высший пилотаж, но полковник перестал бы себя уважать, если бы пришлось пересесть с нее на общественный транспорт в угоду древним мужским инстинктам, каковыми он считал чрезмерную увлеченность крепкими напитками и противоположным полом.

Он с досадой поддел ногой пустую бутылку, в очередной раз подкатившуюся под ноги, та со звоном ударилась о косяк, но не разбилась. А Артем удовлетворенно отметил, что на полдня обеспечил пересудами завсегдааев лавочки у подъезда. На четвертом этаже, как раз под ним, и проживала та самая, упомянутая Арсеньевым, зловедная вахтерша соседнего студенческого общежития Стаднючиха — первая сплетница околотка и неформальная предводительница ветеранов труда местного разлива.

Он резко открыл дверь и, как был с постели, вышел в общий коридор, захламленный старой мебелью и детскими колясками и, по обычаю, неосвещенный. Квартира у него была гостиничного типа, и все удобства приходилось делить еще с тремя соседями.

В душ он прошел смело, не заботясь о том, что его кто-то заметит голым. Даже если это будет дама.

Местные дамы в основном были проходящими и потому особой щепетильностью не отличались.

К тому же в подобной темноте разве что лишь зор-

кая Стаднючиха разберет, кто перед ней, мужик или баба. Но Артем скорее согласился бы на кастрацию, чем позволил бы этой мерзкой твари лицезреть свою голую задницу. Стоило ему издали завидеть крысиную мордочку и массивный торс вахтерши, как ноги сами собой поворачивали обойти ее стороной, иначе у него на неделю пропадало всяческое желание провести ночь с женщиной, даже во сто крат более молодой и привлекательной.

Горячая вода в кране на самом деле была едва теплой и текла еле-еле, но Артем исхитрился принять душ, смывая с себя липкий пот — первый признак того, что ночью его опять мучили кошмары. И не зря девица сбежала от него в другую комнату, бывшую когда-то всего лишь прихожей.

Если он напивался до бесчувствия, то мог и поколотить под горячую руку. Прежние подружки Таранцева знали это не слишком приятное свойство его характера и до подобного состояния Артема не доводили. В стадии среднего подпития Таранцев был мил и обаятелен, красиво ухаживал и умел привести в восторг даже самую заторможенную и закомплексованную дамочку. За что они и любили его безмерно. И прощали даже очевидную ветреность и склонность к разнообразию.

Вернувшись в комнату, Артем принялся одеваться. По прежнему опыту он знал, что в горах будет холодно, поэтому достал из шкафа теплое шерстяное белье, джинсы, плотную рубашку и кожаную куртку. Потом взял с тумбочки алюминиевую армейскую фляжку, поболтал ею и нахмурился. Она была наполовину пуста. Можно, конечно, разбудить соседа-стахановца, вкалывающего на трех работах, да еще приторговывающего спиртом, сантехника местного ЖЭКа Петра Корятова, в обиходе Корято, и попросить долить ее, но Артем решил не делать этого. Во-первых, Петр не любит, когда его будят по ночам, и назначает тогда двойную цену за спирт, а во-вторых, он даже со сна может задать весьма

неприятный вопрос, когда Артем заплатит за квартиру, которая, как и все соседние «гостинки», принадлежала Кору, хотя и была записана на его гражданскую жену. Лучше попробовать достать чего-нибудь в аэропорту.

Пожевав с отвращением молотого кофе, чтобы отбить водочный запах, и сплюнув прямо на пол коричневую слюну, Артем подхватил за ручку небольшой портфель со сменным комплектом белья, двумя парами носков, мылом, зубной щеткой и бритвенным станком. По устоявшейся привычке он страховал себя на случай непредвиденных ситуаций, которых в его жизни было предостаточно и не из всех получалось выйти победителем.

ГЛАВА 2

Артем припарковал автомобиль на стоянке, уплатив за сутки вперед. Он всегда оставлял свою «копейку» именно на этой стоянке, потому что здесь его знали и не слишком возмущались, если машина задерживалась и на гораздо больший срок в силу разных приятных, а чаще неприятных обстоятельств. Покинув стоянку, он прошел по длинной аллее, завернул за здание гостиницы и с удивлением обнаружил, что аэропорт ярко освещен. К слову, это был второразрядный аэропорт, который в последние годы почти не принимал большие самолеты, крупные авиакомпании использовали его лишь как полосу для вынужденной посадки или дозаправки топливом, что происходило крайне редко. На памяти Артема — не более десятка раз.

Но для Арсеньева этот аэропорт был главным полем деятельности, хотя он и делил его с еще двумя частными компаниями, одна из которых все еще контролировалась государством и осуществляла рейсы по расписанию в Москву, в краевой центр и в пару-другую соседних городов, а вторая была такой же шарашкиной

конторой, как и «АвиаАрс», а значит, и основным ее конкурентом на рынке транспортных услуг населению.

Взяв портфель под мышку и заложив руки в карманы, Артем вразвалочку прошел на летное поле, где перед контрольной вышкой виднелось сероватое тело «Ту-154», того самого, из-за которого и началась вся эта заварушка. Некоторое время Артем молча наблюдал возню под его крылом, потом перевел взгляд на дальний ангар.

Там стояла на заправке «аннушка», на хвосте которой при ярком свете прожекторов даже на расстоянии хорошо была видна эмблема — две заглавные буквы А, переплетенные между собой и художественно оформленные в виде двух островерхих горных пиков.

«Пожалуй, это как раз для меня. Двойное А — анонимные алкоголики всех стран, соединяйтесь! Жаль, что Михалыч таких шуток не понимает», — подумал Артем и усмехнулся. Арсеньев и вправду страшно гордился своей авиакомпанией и по ее поводу никогда не шутил, считая это дурной приметой. Да и вообще он был человеком без юмора, не любил розыгрышей, а насмешки над собой или своим детищем воспринимал как смертельное оскорбление.

Артем вошел в здание аэровокзала и увидел, что там, у окошка справочной, толпятся пассажиры с «тушки», уставшие, грубо разбуженные среди ночи и не по своей воле очутившиеся черт знает где. Голоса их звучали зло и раздраженно, они жаждали возмездия за пережитые страхи и волнения. Артем улыбнулся, быстро взбежал по лестнице на второй этаж и толкнул дверь кабинета Арсеньева.

Геннадий Михайлович сидел за столом, разбирая какие-то документы. Рукава его светлой рубашки были закатаны, круглое лицо лоснилось от пота. Он всегда сильно потел, особенно в чрезвычайных ситуациях, а так как его жизнь сплошь состояла из таких ситуаций, то потел он постоянно и обильно. И казалось стран-

ным, что он до сих пор не растаял, как снеговик, а оставался весьма упитанным, с основательным брюшком мужчиной в расцвете сил, чего никак нельзя было сказать о его авиакомпании.

При появлении Таранцева Арсеньев поднял руку в приветствии, буркнул:

— Слава богу, ты здесь! — и вновь уткнулся в бумаги.

— Весьма приятно, когда тебя встречают поцелуями и объятиями, — съязвил Артем.

Геннадий Михайлович эту реплику проигнорировал, но от бумаг оторвался и деловито заговорил:

— Слушай сюда. Я заключил договор с «СибАвиа» на переброску десяти ее пассажиров на дикий курорт Горячий Ключ. Конечно, из Кызыла они добрались бы более цивилизованным способом, на катере, но их устраивает, что мы компенсируем потраченное ими на вынужденную посадку время, и до места они долетят гораздо раньше, чем планировали. Возьмешь первую машину. Ее сейчас заправляют.

Голос Арсеньева звучал подчеркнуто строго, и по тому, как он произнес «заключил договор с «СибАвиа», Артем понял, что шеф воображает себя сейчас таким крутым боссом шикарной авиакомпании, раздающим приказы своим подчиненным налево и направо, забыв на эти мгновения о том, кем он был на самом деле, — пожилым отставным летчиком, влачащим скудное существование за счет эксплуатации раздолбанных, списанных, двадцатипятилетней давности армейских вертолетов и столько же отлетавшей бедолаги «аннушки». Но кем бы и как бы ни был отдан приказ, для Артема Таранцева он оставался прежде всего приказом, который всегда надо выполнять. Поэтому он лишь коротко спросил:

— Кто летит со мной?

— Пашка Дудков.

— Этот наглый молокосос?